

Информация для цитирования:

Тихомирова М. Н. Новые поселения татар Нижнего Притарья последней трети XIX века : история основания, структура населения и его жизнеобеспечение / М. Н. Тихомирова, К. Н. Тихомиров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 491—511. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-491-511.

Tikhomirova, M. N., Tikhomirov, K. N. (2023). New Tatar Settlements in Lower Tara Area in Last Third of 19th Century: Foundation History, Population Structure, and Livelihoods. *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 491-511. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-491-511. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-491-511

**Новые поселения татар
Нижнего Притарья
последней трети XIX века:
история основания,
структура населения и его
жизнеобеспечение**

Тихомирова Марина Николаевна *

orcid.org/0000-0001-8271-8451

кандидат исторических наук,
научный сотрудник

* *корреспондирующий автор*

marinat24@mail.ru

Тихомиров Константин Николаевич

orcid.org/0000-0003-1159-1603

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник

ktikhomirov@gmail.com

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
государственного задания,
№ темы FWZG-2022-0002.

№ гос. регистрации — 122031600309-1

**New Tatar Settlements
in Lower Tara Area
in Last Third of 19th
Century: Foundation History,
Population Structure, and
Livelihoods**

Marina N. Tikhomirova *

orcid.org/0000-0001-8271-8451

PhD in History, research scientist

* *Corresponding author*

marinat24@mail.ru

Konstantin N. Tikhomirov

orcid.org/0000-0003-1159-1603

PhD in History, senior research scientist

ktikhomirov@gmail.com

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out as part
of a state assignment, research project
FWZG-2022-0002.

State registration number 122031600309-1

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена истории возникновения деревень *Малые Мурлы* Тарского района и *Молодцово* Муромцевского района Омской области, основанных татарами в период массовых миграций в Сибирь. Деревни ныне не существуют. Вводятся в научный оборот документы из региональных архивов. Проанализированы материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 года для изучения половозрастного и этнического состава жителей. В статье проводится реконструкция хозяйственных занятий переселенцев. Авторы приходят к выводу, что д. Малые Мурлы (д. Ново-Мурлинская) основана татарами д. Усть-Тарская в 1870-х годах, а д. Молодцово (выселок Молодцовский) — жителями юрт Чиплиаровских ранее 1897 года. Сообщается, что оба поселения просуществовали около ста лет. Доказано, что жители обоих поселений мало занимались земледелием, у них было более развито скотоводство, но для него не хватало земельных угодий, так как лучшие земли были заняты старыми поселениями или принадлежали государству. Авторы приходят к выводу о том, что на этапе становления этих поселений наблюдаются похожие черты с еще одной татарской деревней Мамшенкино Большереченского района Омской области, которая также была основана в этот период и жила которой затем также разъехались.

Ключевые слова:

новые поселения; татары; локальная история; Омская область.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the history of the establishment of the villages of *Malye Murly* in the Tarsky District and *Molodtsovo* in the Muromtsevsky District of the Omsk Region, founded by Tatars during the period of mass migrations to Siberia. These villages no longer exist. The paper introduces documents from regional archives into scholarly discourse. Materials from the First All-Russian population census of 1897 have been analyzed to study the age, gender, and ethnic composition of the inhabitants. The article reconstructs the economic activities of the settlers. The authors conclude that the village of *Malye Murly* (also known as *Novo-Murlinskaya*) was established by Tatars from *Ust-Tarskaya* in the 1870s, while *Molodtsovo* (also known as *Molodtsovsky settlement*) was settled by residents of the *Chipliarovski yurts* prior to 1897. It is reported that both settlements lasted for about a century. Evidence suggests that the inhabitants of both settlements engaged little in agriculture; they had more developed livestock practices but lacked sufficient land resources, as the best lands were occupied by older settlements or belonged to the state. The authors conclude that in their formative stages, these settlements exhibit similar characteristics to another Tatar village, *Mamshenkino* in the *Bolsherechensky District* of Omsk Region, which was also founded during this period and whose residents eventually dispersed.

Key words:

new settlements; Tatars; local history; Omsk region.

Новые поселения татар Нижнего Притарья последней трети XIX века: история основания, структура населения и его жизнеобеспечение

© Тихомирова М. Н., Тихомиров К. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Нижнее Притарье находится в Омской области в северо-восточной части. На его территории проживают татары Западной Сибири, которые по отношению к русскому населению и другим переселенцам являются коренными жителями. Первые упоминания о поселениях сибирских татар в бассейне р. Тара в официальных документах Российского царства появились довольно рано, с 1625 года. К середине XIX века здесь в целом сформировалась существующая система расселения татар (населенные пункты находились уже на тех местах, где и сейчас, исчезли сезонные — зимние и летние — поселения и т. д.) [Корусенко, 2006, с. 40, 58—59; Тихомиров и др., 2022, с. 105]. В пореформенный период в Нижнем Притарье расселились многочисленные переселенцы из Европейских губерний Российской империи. Помимо славянского населения, сюда переселялись небольшие тюркоязычные группы из Поволжья и Урала [Этнографо-археологические ..., 2014, с. 97—100, 107—109]. По завершении их миграций сложился современный этнический облик локальной группы татар этого региона. Она сформировалась преимущественно из местного (сибирскотатарского) субстрата (до 1917 года эти группы населения причислялись к сословию оседлых инородцев) и татар-переселенцев (до 1917 года их этносоциальные категории были более разнообразны, чем у коренных жителей: государственные и ссыльные крестьяне, тептяри, башкиры). Здесь также встречались сибирские бухарцы — этносоциальная группа, произошедшая от жителей Средней Азии, переселившихся в Сибирь в XVI—XVII веках. Они были малочисленны [Корусенко, 2006, с. 62—84].

В данной работе авторами рассматривается малоизученный вопрос о поселениях, основанных татарами в последней трети XIX века — в период массовых миграций населения в Сибирь. Интерес к изучению процесса появления новых деревень татар связан с тем, что, в отличие от других переселенцев, местные (сибирские) и пришлые татары создали в этот период на территории Омской области мало поселений — не более двадцати [Патка-

нов, 1911, с. 70—73; Список..., 1928, с. 2, 4, 8, 10, 50, 64, 66, 72, 76, 78, 82]. Татары-переселенцы, в отличие от других групп мигрантов, предпочитали подселаться в уже существующие поселения местных, сибирских, татар. Это была типичная модель их поведения [Корусенко и др., 2013, с. 94—95].

Цель работы состоит в том, чтобы посредством привлечения новых документов, а также сведений из литературы и других материалов изучить обстоятельства возникновения новых поселений западносибирских татар в низовьях Тары в последней трети XIX века — в период массового переселения населения в Сибирь, рассмотреть структуру населения и его хозяйственные занятия. В это время местными и пришлыми татарами здесь были созданы только деревни — Малые Мурлы Тарского района и Молодцово Муромцевского района Омской области, в отличие от русского населения, основавшего на берегах Тары многочисленные переселенческие деревни [Этнографо-археологические ..., 2014, с. 108—109]. В период Российской империи они назывались д. Ново-Мурлинская и выселок Молодцовский Аялынской инородческой волости Тарского уезда Тобольской губернии (далее по тексту мы не будем повторять, что эта волость была инородческая. — *М. Т., К. Т.*). Они просуществовали около ста лет и оставили о себе мало информации.

Новизна исследования состоит в расширении знаний об истории татар в период массового переселения в Сибирь. Также вводятся в научный оборот новые источники по локальной истории региона.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

К настоящему времени сформировалась историография работ, в которых авторами рассматриваются разные аспекты истории поселений татар Западной Сибири. Существует много публикаций по смежным темам (землепользованию, паниграфии поселений, этническому составу и др.). Однако в подавляющем большинстве исследования посвящены старым татарским поселениям. Это обусловлено тем, что в истории и в этнологии долгое время доминировала традиция изучения ранних периодов истории народов и этнических групп.

Работы, в которых рассматриваются разные аспекты истории поселений татар Омской области, основанных в пореформенный период, практически отсутствуют. Авторы данной статьи провели исследование по исчезнувшей д. Мамшенкино [Тихомирова и др., 2022]. В других областях Сибири образование новых поселений этого периода было связано с татарами-переселенцами. Отметим объемную статью Е. В. Лилявиной об основании этими группами сети новых поселений на территории Томской, Кемеровской областей [Лилявина, 2016]. Также есть работы, где в контексте этнической истории поволжских татар в Сибири и их адаптации

рассматривается история основанных ими поселений [Бакиева и др., 2013, с. 161—163; Галеткина, 1998; Тихомирова, 2018, с. 299—300 и др.].

Работы, содержащие информацию непосредственно о деревнях Малые Мурлы и Молодцово, можно разделить на две категории. Первая — это исследования, созданные на основе обработки данных подворных массовых опросов. Они содержат различные сведения (о количестве жителей и числе хозяйств, о структуре населения и др.) [Патканов, 1911, с. 71; Материалы ..., 1911, с. 373 и др.; Список ..., 1928, с. 8].

Вторая группа объединяет статьи и монографии, в которых в ходе освещения более масштабных вопросов приводится информация, основанная на устных рассказах, архивных документах и других источниках, по истории этих населенных пунктов, ведению хозяйства жителями и др. [Жорусенко, 2006, с. 53—59; Селезнев и др., 2006, с. 124; Шарифуллина, 2009, с. 275].

Основным источником статьи являются документы государственных архивов городов Омска (ГИАОО), Тары (ТФ ГИАОО), Тобольска (ГАТ). Среди них есть материалы, освещающие землеустройство новых поселений (раздел 3.1), извлеченные из фондов Тарской поземельно-устроительной и землеотводной партии Министерства земледелия и государственных имуществ в г. Тара Тобольской губернии [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745, 1002; ТФ ГИАОО, ф. Р-444, оп. 1, д. 184]. Половозрастной и этносоциальный состав населения (раздел 3.2) изучался нами по переписным листам Первой Всероссийской переписи населения 1897 года [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, 1995]. Пофамильный состав (раздел 3.3) рассматривался по разнородным документам: землеустроительным — карте от 1877 года со списком жителей юрт Ново-Мурлинских, первичным листам переписи 1897 года, поселенным и похозяйственным спискам 1923, 1927—1928 годов из фондов сельских советов [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, 1995; ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745; ТФ ГИАОО, ф. Р-105, оп. 1, д. 13, 19; Р-735, оп. 1, д. 110]. Хозяйственные занятия (раздел 3.4) жителей изучались по листам переписи 1897 года, Ведомостям Тобольского губернского статистического комитета начала XX века, сельских советов и волостных / районных органов исполнительной власти [ГАТ, ф. И-417, оп. 1, д. 20, 43, 87; оп. 2, д. 1993, 1995; ТФ ГИАОО, ф. Р-105, оп. 1, д. 13, 19; Р-223, оп. 1, д. 17; ф. 735, оп. 1, д. 110].

В работе использованы методы исторического исследования (сравнительно-исторический, историко-типологический). Анализ количественных данных производился математико-статистическими методами. Также применялись специально-дисциплинарные методы полевого археологического обследования (фотофиксация, шурфовка).

В заключение отметим, что статус поселений, их названия и административная принадлежность изменялись. Каждый раз мы будем указывать

их в тексте статьи так, как написано в источнике, без приведения к единообразию. К примеру, *выселок Молодцовский* еще назывался *заимка Молодцова /юрты Молодцовские*, а в советский период, в документах с 1921 года до ликвидации — *д. Молодцово*; *д. Ново-Мурлинская* именовалась *юртами Мало-Мурлинскими*, а с 1921 года стала *д. Малые Мурлы*; вместо *Аялынская волость* в начале XX века писали *Аялымская волость* и т. д.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Расположение, обстоятельства возникновения и землеустройства д. Малые Мурлы и д. Молодцово

Омским археологам и этнографам из рассказов жителей с. Усть-Тара Тарского района и д. Чеплярово Большереченского района Омской области известно, что деревни Малые Мурлы (татарское название *Узынгуль*) и Молодцово располагались на правом берегу р. Тара. От устья реки первая находилась в 10 км, а вторая — в 27 км (рис. 1—1).

В 2006 году К. Н. Тихомиров проводил археологическое обследование местности недалеко от д. Усть-Тара в урочище Мурлы, где располагалась эта деревня. Были обнаружены артефакты (фрагменты станковых керамических сосудов и столового фаянса, изделий из железа, битый кирпич) и кладбище с остатками деревянных надмогильных сооружений, уничтоженные пожаром 2006 года. Территория поселения граничила с нешироким участком высокой поймы, где можно было пасти скот. Вокруг деревни произрастал сплошной сосновый лес, где жители имели возможность заниматься лесными промыслами.

В архиве хранится единственный план юрт Мало-Мурлинских 1877 года, созданный для перепланирования деревни [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745, л. 1] (рис. 1—3). Примечательно, что на нем поселение указано на другом (левом) берегу р. Тара, однако на документе нет привязки к местности, поэтому сейчас она не выявлена. На плане отмечена одна улица. По ее обеим сторонам нанесено 17 пронумерованных домов с дворами и огородами. Планировалось передвинуть практически все дома за исключением № 10. В документе приведен список хозяев усадеб. Он будет использован нами далее для анализа фамилий.

Год основания деревни остается под вопросом. Самая ранняя дата, связанная с этим поселением, есть на плане — 1877 год. Омский этнограф С. Н. Корусенко путем сопоставления дат и мест рождения жителей, взятых из переписи 1897 года, высчитала, что ее могли основать в начале 1870-х годов [Корусенко, 2006, с. 54]. Добавим, что в «Списках населенных мест...» 1868—1869 годов в версте от д. Усть-Тарская была иногородческая д. Мурлинский Лог из 4 дворов (проживало 4 муж. и 3 жен.) [Спи-

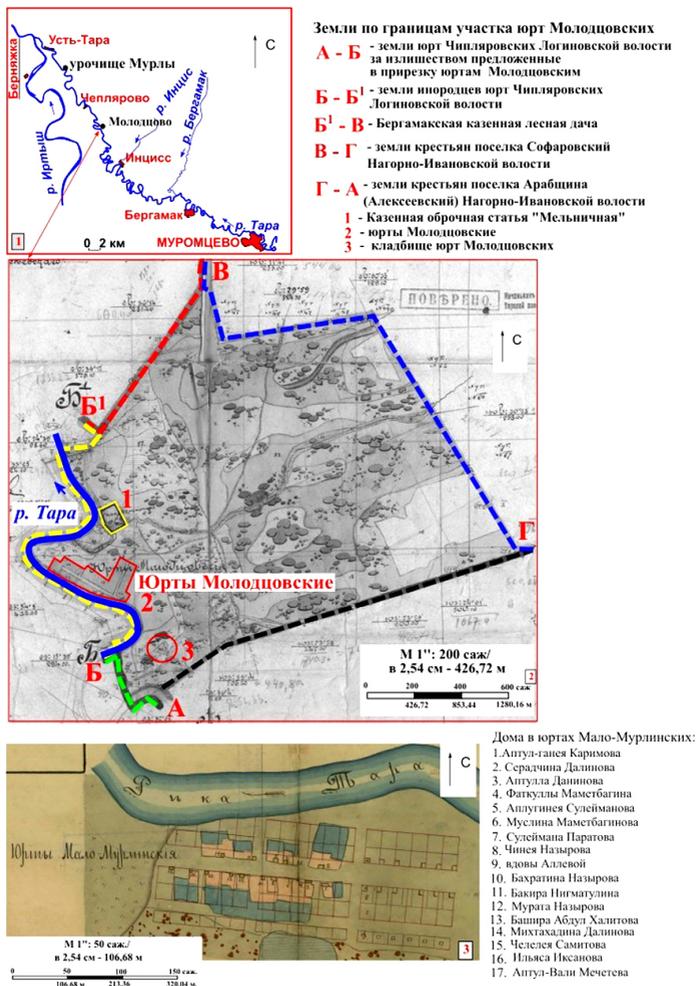

Рис. 1. Картографические материалы по деревням Малые Мурлы и Молодцово.

1. — Расположение деревень Малые Мурлы и Молодцово в урочищах Мурлы и Молодцово, население которых впоследствии разъехалось. 2. — Проектный план земельного надела, запроектированного инородцам юрт Молодцовских Нагорно-Ивановской волости Тарского уезда Тобольской губернии на 156 душ (1914 г.). Составлен топографом Матросовым [ТФ ГИАОО, ф. Р-444, оп. 1, д. 184]. 3. — План юрт Мало-Мурлинских Аялымской волости Тарского округа Тобольской губернии с именованным списком домохозяев, составленный по предписанию Тобольской Казенной палаты (от 5 сентября 1877 года, по снятию и распланированию в 1882 году). Составлен младшим землемером Тобольской губернии чертежником П. Кремлевым (масштаб: в 1 англ. дюйме — 50 саж.) [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745].

ски ..., 1871, с. 113]. Но, неясно, идет ли речь о д. Ново-Мурлинская или это разные поселения, так как в этих местах топоним *мур* («особый вид белой глины») был распространен и использовался в названиях населенных пунктов.

В 1998 году омский археолог М. А. Корусенко проводил обследование местности, где была д. Молодцово, в проекте участвовал К. Н. Тихомиров. В настоящее время на космоснимках это место выглядит так же, как и двадцать лет назад, — не заросшая лесом поляна. На ее поверхности не видны объекты, но прослеживаются дорога и очертания улиц, соответствующие плану поселения 1914 года. Выше по течению реки располагаются остатки кладбища [Урочище] (рис. 1—1).

Филолог Л. В. Шарифуллина, видимо, со слов респондентов, писала: «Деревня была основана в 1886 году зимой, поэтому основателей называли молодцами». Но эту информацию невозможно проверить по дополнительным источникам, к тому же такое пояснение может быть образцом «народной этимологии». Более репрезентативны в ее материалах сведения о составе поселенцев из ссыльных, якобы, как русских, так и татар из Поволжья. В 1892 году сюда самовольно переселились добровольные переселенцы [Шарифуллина, 2009, с. 275]. Эти данные совпадают с архивными, и они будут рассмотрены в разделе 3.2.

В Протоколе Совещания от 12 апреля 1907 года, которое состоялось в г. Тобольске в Министерстве государственных имуществ по Тобольской губернии и было посвящено вопросу обустройства татар выселка Молодцовский, со слов жителей было записано, что он был образован выселенцами из юрт Чипляровских Аялымской волости из-за разлива р. Тара в 1900 году. Они заявили, что возбуждали ходатайство о перенесении своих усадебных построек на более высокие места, но, не дождавшись решения, самовольно устроились в восточной части Инцинской дачи. Позже к ним подселились выходцы из других поселений Тарского уезда [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 1002, л. 3—3 об.]. Мы сомневаемся в правдивости слов жителей о причинах переселения и дате основания, так как уже в 1897 году это было довольно большое поселение из 37 дворов, где проживало 223 человека [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993]. По итогу разбирательств было решено, что поземельное устройство выселка можно проводить только вместе с юртами Чипляровскими, так как значительная часть домохозяйств — их выходцы. Было рекомендовано образовать для них оброчную статью и выделить земли в аренду площадью 1905,50 десятин (удобной земли — 1827,50 дес., неудобной — 78,00 дес.) [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 1002, л. 12—13].

Поземельное устройство выселка было проведено только в 1914 году. Спроектирован план земельного надела на 156 душ площадью 3039 казен-

ных десятин 47 саженой (удобной земли — 1940 дес. 29 саж., неудобной — 1099 дес. 19 саж.) (рис. 1—2) [ГФ ГИАОО, ф. Р-444, оп. 1, д. 184].

3.2. Половозрастной и этносоциальный состав жителей, их происхождение и другие сведения по материалам Первой Всероссийской переписи населения 1897 года

В д. Ново-Мурлинская проживало 140 человек в 26 хозяйствах, среди них было больше лиц мужского пола, чем женского (81 и 59 чел.). Население деревни было молодым. Больше всего было детей 0—9 лет — 25 % (35 чел.), потом по численности шли возрастные категории: 10—19 лет — 21,43 % (30 чел.) и 20—29 лет — 19,28 % (27 чел.). Остальных возрастных категорий было около одной трети: 50—59 лет — 10,72 % (15 чел.), 30—39 лет — 10 % (14 чел.), 40—49 лет — 7,86 % (11 чел.). Старше 60-ти лет было 8 человек (5,71 %). На заимке Молодцова жило 223 человека в 37 хозяйствах, среди них также было больше лиц мужского пола, чем женского (130 и 93 чел.). Преобладали две возрастные категории: 0—9 лет — 29,15 % (65 чел.) и 10—19 лет — 20,63 % (46 чел.). Следующих категорий было: 20—29 — 13,45 % (30 чел.) и 40—49 — 12,11 % (27 чел.), 30—39 — 11,21 % (25 чел.). Лиц старше 60 лет было 14 человек (13,45 %).

В д. Ново-Мурлинская больше всего проживало инородцев — 60,71 % (52 муж. и 33 жен.) (местные (сибирские) татары. — *М. Т., К. Т.*). Большая часть из них была рождена в данном поселении, о чем свидетельствуют данные, представленные выше: здесь преобладали дети и молодежь до 20—29 лет. В этой группе также были выходцы из разных населенных пунктов Аялынской волости Тарского округа Тобольской губернии, больше всего — из д. Усть-Тарская и «старый Тартамак» (так написано в документах; это старое поселение д. Усть-Тарская. — *М. Т., К. Т.*) [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 2 об. — 3 об., 19 об. и др.], что логично, так как это ближайшие татарские поселения к д. Ново-Мурлинской и их выходцы основали эту деревню. С. Н. Корусенко при сопоставлении архивных данных выяснила, что часть жителей связаны своим происхождением с д. Усть-Тарской и «старым Тартамаком»: Князевы, Али Оскаровы, Диниповы [Корусенко, 2006, с. 53]. Еще среди мест рождения инородцы указывали Бергамак, Гузенева (Кузенова), Инцысс, Кушелево, Кыргап, Чупляровскую (Чипляровскую), Таксай (в переписном листе — Аялынской волости, хотя относилась к Бухарской инородческой волости. — *М. Т., К. Т.*), Черталы [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 2 об., 5 об., 7 об., 8 об., 9 об. и др.]. Несколько жителей родилось в Семипалатинске и в двух населенных пунктах, которые мы не смогли установить, — Ахмула и Акбазар [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 8 об., 9 об.]. Интересно, что одна из женщин, относящая к сословию инородцев, — Кутумова Биби Шарифа, 42 года, родилась в Казанской

губернии Мамадышском уезде. Видимо, она перешла в сословие мужа. Судя по месту рождения, женщина, вероятно, относилась к сословию государственных крестьян [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 11 об.].

Следующая по численности после инородцев сословная группа в д. Ново-Мурлинская были крестьяне — 32,14 % (24 муж. и 21 жен.). Большая часть из них, как и инородцев, предположительно родилась здесь [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 19 об., 21 об. и др.], если принять во внимание, что большинство жителей были дети и молодые люди до 29 лет. В числе других населенных пунктов Аялынской волости, в которых родились переселившиеся сюда жители, в переписных листах зафиксированы следующие: Больше-Мурлинская, Туралинские, «старый Тартамак» (в документе указано «Логиновской волости» (?) Тарского округа Тобольской губернии. — *М. Т., К. Т.*), Усть-Тарская. Одна женщина была из Каинского округа Томской губернии [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 19 об., 21 об., 22 об. и др.]. Около 10 человек приехали из Европейской части России. Они родились в Цивильском, Лаишевском, Казанском, Мамадышском, Спасском уездах Казанской губернии, также по одному человеку — в Бугульминском уезде Самарской губернии и в Челябинском уезде Уфимской губернии [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 16 об., 19 об, 20 об.].

К этой социальной группе относились трое мужчин от 50 до 76 лет, которые числились как «крестьяне из ссыльных». Еще трое мужчин 64, 66, 76 лет записаны как «сын поселенца». Они были из Казанской губернии и двое местных — из д. «старый Тартамак» [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 15 об., 16 об., 17 об., 20 об. — 22 об.].

В деревне было трое мужчин 24, 28, 30 лет, в прошлом служивших в армии. Они были записаны «Запасной рядовой», «Запасной рядовой Тарской...» — далее нечетко написано — «...пожарной команды», «Запасной ефрейтор пожарной команды». Судя по их семьям, они вышли из крестьян. Двое из них были женаты. У одного жена была государственной крестьянкой, у другого — солдаткой, а трое их дочерей — государственными крестьянками [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 17 об., 18 об., 22 об.].

Здесь проживали бухарцы (2 муж. и 3 жен.), рожденные в г. Тара, деревнях Черталы, Усть-Тарская [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 24 об., 26 об.]. К этой деревне была приписана тарская мещанка, православная Семенова Варвара, 53 лет, рожденная в г. Канске Красноярской губернии, разведенная. Она жила у вдовца Халикова Абдулы, 64 лет, и записана *стряпкой* (то есть кухаркой) [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 15 об.].

Сословный и этнический состав заимки Молодцова в 1897 году был пестрым. Здесь преобладали крестьяне — 75,78 % (99 муж. и 70 жен. из 223 чел.). Около половины из этих людей приехали из Европейской ча-

сти России, а вторая их часть были местными — из Аялынской волости Тарского округа Тобольской губернии. Около 15 человек родились непосредственно на заимке, на момент переписи населения это были преимущественно маленькие дети; самыми старшими из них были двое — 17-ти и 12-ти лет. Больше всего (16 чел.) было выходцев из Чупляровской (Чипляровской), так как Молодцова было их выселком; также — из Бергамака, Больше-Мурлинской, Гузеновой (Кузеновой), Черталов. Меньше жителей местом рождения указало Кошулево, Темшнякову, Инцисс, «старый Тартамак». Несколько человек родились в Саргатской инородческой волости Тарского округа Тобольской губернии [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 5 об., 8 об., 9 об., 14 об., 11 об., 16 об., 20 об., 23 об.]. Несколько человек было приписано к не татарским (не инородческим) поселениям и волостям Тарского округа Тобольской губернии: к д. Усть-Тарская Логиновской волости (в этой деревне давно проживали вместе с татарами русские. — *М. Т., К. Т.*), д. Бабинская Карташевской волости, д. Гушино Такмыкской волости [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 11 об., 19 об. И др.].

Государственные крестьяне из Европейской части России происходили из девяти губерний. Пять и более человек родились в Чистопольском и Тетюшском уездах Казанской губернии, Бугульминском уезде Самарской губернии, Кузнецком и Петровском уездах Саратовской губернии, Челябинском уезде Оренбургской губернии. Также среди мест рождения упоминаются Казанский, Мамадышский, Спасский, Царевококшайский уезды Казанской губернии, Ардатовский, Карсунский, Курмышский, Сызранский уезды Симбирской губернии, Хвалынский уезд Саратовской губернии, Златоустовский, Мензелинский уезды Уфимской губернии, Камышловский уезд Пермской губернии, Глазовский уезд Вятской губернии, Чембарский уезд Пензенской губернии. Среди мужчин были ссыльные крестьяне — 23 человека от 27 до 86 лет. Они родились в тех же губерниях Европейской части России, что и основная масса крестьян [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 1 об., 6 об., 7 об., 12 об., 22 об., 26 об, 27 об.]. В Молодцовой было два запасных рядовых. Их жены были причислены к солдаткам. Они были выходцами из крестьян из Европейской части России [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 24 об.].

Здесь встречается один случай многоженства. Эта семья крестьян-переселенцев из Вятской губернии. У Мустахимы Байгузина, 60 лет, было две жены: Фазиеля, 60 лет, и имя второй написано нечетко, 57 лет [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 35 об.].

В 1897 году здесь проживало две семьи тептярей (этносословная группа, занимающая промежуточное положение между военно-служилыми сословиями и государственными крестьянами. — *М. Т., К. Т.*) (5,38 %, — 6 муж. и 6 жен.). В одной из них глава семьи относился к ссыльным тептя-

рям. Также здесь проживало три семьи башкир (6,72 %, — 6 муж. и 9 жен.), в которых главы семей были ссыльными. Места рождения членов семей тептяр и башкир были те же, что у крестьян: Бугульминский уезд Самарской губернии и Бирский уезд Уфимской губернии. Мы также видим, что много младших детей у переселенцев родилось уже здесь. Но также встречаются случаи, когда в семьях старшие дети рождались в разных местах, так как переселенцы не сразу доезжали до поселений, где их застала перепись 1897 года. Например, в семье тептярей Мухахметовых сын Зариф, 5-ти лет родился в г. Троицке Оренбургской губернии, а самый младший сын 3-х лет уже здесь [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 18 об., 31 об., 33 об., 37 об.].

Вторая социальная группа по численности, что проживала в Молодцовой, — это инородцы — 9,42 % (16 муж. и 5 жен.) (местные (сибирские) татары. — М. Т., К. Т.). Большая часть были рождены в д. Чупляровской (Чипляровской), единицы — в Усть-Тарской, Тусказани, Форпосте, Таксае и непосредственно на заимке Молодцовой [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 3 об., 4 об., 7 об., 28 об. и др.].

Здесь проживало двое бухарцев в семье инородца Абдулы Хакима Шагаева. Женщина была его дочерью, а зять — родом из д. Таксай Бухарской волости Тарского округа Тобольской губернии. Видимо, женщина, выходя замуж, перешла в сословие мужа, а по происхождению была инородкой [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 28 об.].

В заключение добавим, что практически все жители записаны мусульманами, а родной язык в документах — «Тур.», подразумевается, что они разговаривали на турецко-татарском наречии.

3.3. Сопоставление фамилий жителей

Сопоставление фамилий жителей д. Ново-Мурлинская (д. Малые Мурлы) выполнено по спискам 1877, 1897 и 1923 годов; характеристику этих документов мы давали в разделе 2. Согласно им, в д. Ново-Мурлинская количество фамилий изменялось: 12 — в 1877 году, 15 — в 1897 году, 11 — в 1923 году [ТФ ГИАОО, ф. Р-444, оп. 1, д. 184; ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, ТФ ГИАОО, ф. Р-105, оп. 1, д. 19, л. 46 об.]. С учетом искажений и разного написания фамилий совпадают в 1877 и 1897 годах: Самитов Челелей / Самитов Джалытдин, Иксанов Ильяс / Яксанов Ильяс [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745, л. 1; ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 16 об., 17 об.]. В поселенном списке 1923 года есть фамилии, встречающиеся в документах конца XIX века, но имена не совпадают, поэтому не ясно, это родственники или нет. Например, Иксанов Хабибулла [ТФ ГИАОО, ф. Р-105, оп. 1, д. 19, л. 46 об.]. В списке 1877 года есть Мечетев Аптул-Вали, в 1923 году — Мачитов Мулалали [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745, л. 1; ТФ ГИАОО, ф. д. 105, оп. 1, д. 19, л. 46 об.]. Фамилия Дининовых встречается во всех списках (но

в документах отсутствует единообразие в написании: Дилиновы, Далиновы, Доминовы и др. — *М. Т., К. Т.* [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745, л. 1; ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 20—23 об. и др.; Участники ...]. С. Н. Корусенко, напомним, установила, что эта семья — выходцы из д. Усть-Тарская, куда они переехали из Европейской части России до 1850 года [Корусенко, 2006, с. 53]. После 1877 года, но до переписи 1897 года сюда переселилось 7 семей Кутумовых из д. Альменево (в документах встречается написание фамилии: Кутумов / Кутамов. — *М. Т., К. Т.*). Они составили почти 27 % из 26 хозяйств [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 2 об., 3 об., 4 об., 6 об., 10 об., 11 об., 12 об., 13 об.]. В дальнейшем они здесь не проживали.

Сопоставление фамилий жителей выселка Молодковского (д. Молодцово) производилось по данным 1897, 1923, 1927—1928 годов. В Протоколе Совещания 1907 года в Министерстве государственных имуществ по Тобольской губернии, посвященного вопросу обустройства татар этого поселения, отмечалось, что состав жителей с 1898 к 1904 году почти полностью сменился, о чем свидетельствовали два списка. К 1907 году большую долю жителей выселка составлял ссыльный элемент, не имеющий постоянного заработка [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 1002, л. 12—13]. С учетом искажений фамилий, в 1897 году их насчитывалось 31, в 1923 и 1927—1928 году — 23. В данном поселении мы видим более разнообразный состав фамилий в сравнении с первым поселением. Это может быть связано с тем, что оно появилось позднее — в период массового переселения в Сибирь. Обнаружено много фамилий, совпавших во всех трех источниках, хотя имена людей разные: Ахтямовы, Башыров / Басыров, Байгузины / Байгузина, Гадильшин / Гадельшин / Гадальшин, Мамешевы / Маметовы, Мухаметзяновы / Мухомжанов / Мухаметчанов, Хасанов / Хазанов. В документах 1923, 1927—1928 годов появляются славянские фамилии — Шестаков Никифор, Илин Дмитрий [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995; ТФ ГИАОО, ф. Р-105, оп. 1, д. 19, л. 46 об., ф. Р-735, оп. 1, д. 110, л. 1—3].

3.4. Жизнеобеспечение жителей

3.4.1. Занятия и промыслы жителей по материалам Первой Всероссийской переписи населения 1897 года

В д. Ново-Мурлинская земледелие как главное занятие, являющееся источником существования, было указано у 25 мужчин от 15-ти лет из 14 семейств (не посчитаны женщины; если земледелие было отмечено у мужа / отца, тогда обычно оно было указано у взрослых женщин семьи, но это не значило, что они им тоже занимались. Этот комментарий далее относится к другим видам деятельности. — *М. Т., К. Т.*) [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 2 об. — 4 об. и др.]. У 14 мужчин и некоторых женщин из десяти семей основным занятием записано «чернорабочий поденщик». Они занимались

на временную работу (в сезон уборки урожая и др.) [Там же, л. 5 об. — 7 об.]. В трех семействах у пяти мужчин (и у взрослых женщин) основной вид деятельности указан «скотоводство» [Там же, л. 15 об. — 17 об., об.]. У шести мужчин в качестве дополнительного источника доходов зафиксировано смолокурение [Там же, л. 17 об., 19 об. — 20 об.]. Второстепенным занятием у нескольких мужчин указаны: учитель, кузнец, ополченец [Там же, л. 8 об., 11 об. и др.].

На заимке Молодцова чернорабочих поденщиков было 36 мужчин (еще и взрослые женщины) из 22 семей [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 1² об. — 8 об. и др.]. В шести семьях земледельцами записаны восемь мужчин (еще и взрослые женщины) [Там же, л. 11 об. — 12 об.]. Мужчины занимались лесными промыслами, так как в окрестностях много лесов. Смолокурение было главным источником дохода у восьми человек и у четырех — второстепенным [Там же, л. 9 об., 11 об., 14 об.]. Плотников было четыре, у одного из них была вторая профессия «пильщик», один мужчина записан «дроворубом» [Там же, л. 7 об., 18 об. и др.]. Овчинниками были трое мужчин. У некоторых жителей, например у чернорабочих поденщиков, были второстепенные занятия: санник, шорник, сапожник, учитель [Там же, л. 1² об. — 3 об., 6 об., 16 об., 20 об.].

3.4.2. Земледелие

В 1904 году чиновники указывали, что в выселке Молодцовском из 42 дворов только пять занимаются хлебопашеством [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 1002, л. 3 об.]. В 1908 году земледельческих хозяйств здесь было 3,92 % (2 из 51 хоз.), в д. Ново-Мурлинская — 29,73 % (11 хоз. из 37 хоз.). Для оценки занятости населения этих деревень в земледелии приведем сравнительные данные по старожильческим поселениям татар Нижнего Притарья. Больше всех земледельческих хозяйств было в юртах Усть-Тарских — 46,81 % (22 из 47 хоз.), Инцизских — 20,83 % (15 из 72 хоз.), а в ю. Чипляровских меньше всех — 2,63 % (1 из 38 хоз.). В д. Ново-Мурлинская в среднем была самая маленькая запашка — 2,65 дес., в выс. Молодцовском — 3,37 дес., юртах Инцизских — 3,18 дес., Усть-Тарских — 4,47 дес., Чипляровских — 5,75 дес. [Материалы..., 1908, прилож. СХЛП]. В Ведомостях по посевным площадям 1913—1914, 1916 годов Тобольского губернского статистического комитета записано, что жители Ново-Мурлинской и Молодцовой выращивали озимую и яровую рожь, яровую пшеницу, овес, ячмень, а также картофель [ГАТ, ф. И-417, оп. 1, д. 20, л. 37, 44—44 об.; д. 43, л. 39—40, 44; д. 87, л. 73, 76—77, 89—90].

К 1924 году в деревнях Молодцово и Малых Мурлах стали больше заниматься земледелием. Количество беспосевных хозяйств сократилось до одной трети в Молодцово — 31,03 % (9 из 29 хоз.) и Малых Мурлах — 33,33 % (10 из 30 хоз.). Больше всего беспосевных хозяйств, около половины, было

в Инцыссе — 51,69 % (46 из 89 хоз.), в Чиплярово — 66,66 % (22 из 33 хоз.). Больше всего посевов в казенных десятинах приходилось на посевные хозяйства Инцысса (более 44 дес.) и Молодцово (более 19 дес.), потом Малые Мурлы (более 12 дес.), а жители Чиплярово все так же мало занимались земледелием, как и раньше (более 3 дес.) [ТФ ИАОО, ф. Р-223, оп. 1, д. 17, л. 14].

3.4.3. Животноводство

В 1908 году в обоих поселениях преобладали домохозяйства с 2—5 (рабочими — *М. Т., К. Т.*) лошадьми: в Ново-Мурлинских — 64,86 % (24 из 37 хоз., владевших рабочими лошадьми), в Молодцовском — 60 % (30 из 50 хоз.). Для выполнения разных работ (для пахоты, извоза и др.) лошадей хватало. У одной трети хозяйств была одна лошадь: в Ново-Мурлинских — 32,43 % (12 хоз.), в Молодцовском — 36 % хоз. (18 хоз.). Преобладали хозяйства, в которых было 1—3 коровы: в Ново-Мурлинских — 56,76 % (21 хоз. из 37 хоз., владевших коровами), в Молодцовском — 65,90 % (29 хоз. из 44 хоз.), с большим количеством коров: в Ново-Мурлинских — 43,24 % (16 хоз.) и в Молодцовском — 34,09 % (15 хоз.) [Материалы..., 1911, прилож., CLII—CLVII, CLX—CLXI].

В 1913—1914, 1916 годах в этих поселениях в среднем на 1 хозяйство было больше 2 голов рабочих лошадей и коров. Если высчитать средний показатель за 1913—1914 годы в обоих поселениях всех лошадей (рабочих и не рабочих) и крупного рогатого скота, то на 1 хозяйство приходилось также больше 2-х голов, мелкого рогатого скота было меньше одной головы. В 1916 году в среднем на 1 хозяйство в Ново-Мурлинской — 2,83 головы, крупного рогатого скота — 4,5 головы, а в Молодцовском — 4,15, крупного рогатого скота — 5,55 головы. Стало больше мелкого рогатого скота в Ново-Мурлинской — 5,33, в Молодцовском — 1,77 головы. Если в динамике сравнивать животноводство со старожильческими поселениями татар, то у них оно было больше развито, что можно объяснить лучшей ситуацией с сенокосами. В 1913, 1914, 1916 годах на 1 хозяйство в среднем приходилось в Инцыских: рабочих лошадей / всех лошадей: 2,12 / 2,66; 3,17 / 4,46; 2,22 / 3,46; коров / крупного рогатого скота: 2,1 / 4,9; 3,78 / 5,4; 3,08 / 5,1. В Усть-Тарских: рабочих лошадей / всех лошадей: 2,6 / 2,91; 3,02 / 3,37; 2,88 / 3,56; коров / крупного рогатого скота: 2,73 / 3,5; 3,3 / 4,7; 3,85 / 4,6. В Чипляровских: рабочих лошадей / всех лошадей: 2,29 / 3; 2,6 / 3,28; 1,68 / 2,9; коров / крупного рогатого скота: 2,8 / 4,04; 2,84 / 4,28; 1,66 / 3,1 [ГАТ, ф. И-417, оп. 1, д. 20, л. 37, 44—44 об.; д. 43, л. 39—40, 44; д. 87, л. 73, 76—77, 89—90].

События 1917—1922 годов отразились на хозяйствах жителей и жизнеобеспечении. Например, стало меньше рабочих лошадей. Теперь эта цифра была более 1 головы, коров оставалось более двух голов [ТФ ГИ-АОО, ф. Р-105, оп. 1, д. 13, л. 2]. Ситуация в животноводстве улучшилась

к 1924 году, когда завершился период восстановления после революций и гражданской войны. Не держали скот: в д. Молодцовой 6,9 % (2 из 29 хоз.), в д. Малые Мурлы — 16,67 % (5 из 30 хоз.). Для сравнения: не владели скотом в д. Чипляровой — 15,15 % (5 из 33 хоз.), в д. Инцысс — 11,24 % (10 из 89 хоз.). Общей тенденцией для всех поселений было то, что количество как рабочих, так и всех лошадей не восстановилось и не приблизилось к дореволюционному уровню. В среднем на 1 хозяйство приходилось чуть больше 1 головы: в д. Малые Мурлы — 43 головы рабочих и 24 прочих голов, в деревнях Молодцовой — 36 и 11, Чипляровой — 37 и 12, Инцысс — 105 и 27. С крупным рогатым скотом дело обстояло лучше: в д. Малые Мурлы — 65 голов коров и 66 прочих и в д. Молодцовой — 60 голов коров и 68 прочих, — и хуже в старых поселениях: в деревнях Чипляровой — 44 и 23, Инцысс — 110 и 120. Таким образом, в отличие от дореволюционного периода, в Малых Мурлах и Молодцовой было в среднем на 1 двор коров более 2 голов и всего крупного рогатого скота 4 головы, а в старых поселениях — коров более 1 головы и всего крупного рогатого скота более 2 голов [ТФ ГИАОО, ф-Р-223, оп. 1, д. 17, л. 14].

На основе данных из сохранившегося похозяйственного списка сравним животноводство татар д. Молодцово за 1927—1928 годы, в период расцвета НЭПа и накануне коллективизации, с показателями до 1917 года. Обеспеченность рабочими лошадьми так и не вернулась к дореволюционному периоду. Она была минимальной. В большинстве хозяйств (60 %, — 15 из 25 хоз., владевших лошадьми старше 4-х лет) было по 1 рабочей лошади, в 28 % (7 хоз.) — по 2 головы. Вообще 40 головами лошадей старше 4-х лет (обычно это рабочие лошади. — *М. Т., К. Т.*) владело 25 из 30 хозяйств. В семи хозяйствах было семь лошадей от 2,5 до 4-х лет. Для сравнения: в 1908 году в 60 % хозяйств (30 из 50 хоз., владевших рабочими лошадьми) было 2 головы [Материалы ..., 1911, прилож., CLII—CLVII, CLX—CLXI]. Добавим, что в 1927—1928 годах в 42,3 % хозяйств (11 из 26 хоз., владевших лошадьми всех возрастов) было по 2 лошади всех возрастов (рабочих и не рабочих), в 26,92 % (7 из 26 хоз.) — 1 лошадь. А максимальным количеством лошадей всех возрастов (от 5-ти до 9 гол.) владело четыре хозяйства [ТФ ГИАОО, ф. Р-735, оп. 1., д. 110, л. 1—3]. По крупному рогатому скоту у нас нет возможности провести аналогии между 1908 и 1927—1928 годами, так как не были отдельно посчитаны коровы. В 1927—1928 годах три хозяйства не владели крупным рогатым скотом от 3-х лет (вероятно, в основном это коровы). На 27 хозяйств приходилось 75 голов, из них в восьми хозяйствах была 1 голова, 2 и 3 головами владело по шесть хозяйств и т. д. То есть обеспеченность была лучше. Если в 1908 году 1—3 коровы было в 65,9 хозяйствах (29 из 44 хоз., владевших коровами), то в 1927—1928 году — 74 %

(20 из 27 хоз., владевших кр / с от 3-х лет). В одном хозяйстве — Халикова Шамшулы — было 10 голов крупного рогатого скота от 3-х лет. Накануне коллективизации у него было самое крупное хозяйство (9 лошадей и 27 гол. кр / с) [ТФ ГИАОО, ф. Р-735, оп. 1, д. 110, л. 1—3].

4. Заключение = Conclusions

Путем ввода и анализа новых документов в совокупности с известными письменными источниками и другими материалами мы реконструировали некоторые этапы истории, рассмотрели хозяйственные занятия жителей двух поселений татар Нижнего Притарья, возникших в период массового переселения в Сибирь, просуществовавших короткий период времени.

Обе деревни были основаны выходцами старых татарских поселений: д. Малые Мурлы, до 1921 года известная как Ново-Мурлинская, — жителями д. Усть-Тарская в 1870-х годах, а д. Молодцово, основанная ранее 1897 года, была выселком Молодцовским татар юрт Чупляровских (Чипляровских).

Анализ состава населения по переписи 1897 года показывает, что преобладали мужчины; больше всего в поселениях было детей, молодых людей. В это время в социальном плане в д. Ново-Мурлинской преобладали инородцы, а в выселке Молодцовском больше было крестьян-переселенцев, потому что он появился позднее, когда увеличилась мобильности населения Российской империи. По этой же причине социальный состав здесь был более разнообразным. Анализ пофамильного состава первых и последующих годов показывает, что состав жителей в поселениях менялся. В выс. Молодцовском фамилии были разнообразнее.

Биографический анализ членов семей иллюстрирует различные процессы, протекавшие в Российской империи в конце XIX века. К примеру, жены переходили в сословие мужа: из инородки женщина становилась бухаркой, или крестьянку затем причисляли к инородкам. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что этничность еще не играла столь важной роли, как в будущем.

Среди видов деятельности по Первой Всероссийской переписи населения 1897 года в обоих населенных пунктах мало земледельцев, было много поденных рабочих, часть мужчин занимались лесными промыслами. Количественные данные начала XX века также показывают, что земледелие было развито слабо. Жители больше занимались скотоводством, но меньше, чем в старых поселениях (деревни Усть-Тарская, Инцысская, Чипляровская). Из обследований инородческого хозяйства в 1908 году известно, что в Ново-Мурлинских и Молодцовском недоставало покосов и выгонов для скота [Материалы ..., 1911, с. 373]. Это можно объяснить тем, что лучшие земли были заняты старыми татарскими поселениями и государ-

ственными дачами. К 1921 году ситуация в скотоводстве поменялась. Стали меньше держать в хозяйстве лошадей в сравнении с дореволюционным периодом. Согласно имеющимся количественным данным, к 1924 году у жителей деревень Малые Мурлы и Молодцовой ситуация в скотоводстве стала лучше, чем у населения старых поселений, но не произошло полного восстановления этой отрасли до показателей начала XX века.

Д. Малые Мурлы просуществовала почти до 1975 года, а жители д. Молодцово разъехались раньше — в послевоенные годы [Омская область, 1975, с. 120].

В заключение добавим, что на этапе становления этих поселений становятся очевидными схожие черты (время основания, обстоятельства возникновения, половозрастной и социальный состав жителей) между ними и д. Мамшенкино Большереченского района Омской области [Тихомирова, Тихомиров, 2022], располагавшейся на сопредельной территории к юго-западу на левобережье Иртыша, население которой впоследствии тоже разъехалось. Изучение истории этих деревень формирует фактологическую базу для анализа функционирования поселений татар Омской области, основанных в пореформенный период.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТ — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-417 «Губернский статистический комитет, г. Тобольск Тобольской губернии (1835—1919 гг.)». Оп. 1. Д. 20, 43, 87 ; Оп. 2. Д. 1993, 1995.

2. ГИАОО — Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области». Ф. 183 «Тарская поземельно-устроительная и землеотводная партия Министерства земледелия и государственных имуществ, г. Тара Тобольской губернии (1792—1919 гг.)». Оп. 1. Д. 745, 1002.

3. ТФ ГИАОО — Тарский филиал Бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области». Ф. Р-105 «Аялынский волысполком (1919—1924 гг.)». Оп. 1. Д. 13, 19 ; Ф. Р-223. «Исполнительный комитет Евгашинского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, с. Евгашино Тарского округа Сибирского края (1924—1939 гг.)». Оп. 1. Д. 17 ; Ф. Р-444. «Тарская поземельно-устроительная партия (1822—1939 гг.)». Оп. 1. Д. 184 ; Ф. Р-735. «Коллекция документов ликвидированных сельских советов Тарского округа Сибирского края» (1920—1948 гг.). Оп. 1. Д. 110.

4. Омская область : административно-территориальное деление на 1 января 1975 г. — Омск : Зап.-Сиб. кн из-дво. Омское отделение, 1975. — 211 с.

5. *Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел.* — Санкт-Петербург : Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1871. — 196 с.

6. *Список населенных мест Сибирского края / Ц. С. У., Сибирский краев. стат. отд.* — Новосибирск : [б. и.], 1928—1929. — Т. 1. — 826 с. — ISBN 978-5-4469-1325-1.

7. *Урочище Молодцово* [Электронный ресурс] // Яндекс. Карты. — Режим доступа : <https://yandex.ru/maps/?l=sat%2Cskl&ll=4.794939%2C56.558973&z=16> (дата обращения 21.06.2023).

8. *Участники первой мировой войны из д. Мурлы* [Электронный ресурс] // Родословные татар Сибири. — Режим доступа : <https://kirgap.livejournal.com/tag/%D0%94%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B> (дата обращения 1.08.2023).

Литература

1. *Бакиева Г. Т. Поволжские татары в Западной Сибири : особенности расселения и этнокультурного развития / Г. Т. Бакиева, Ю. Н. Квашин // Вестник археологии, антропологии и этнографии.* — 2013. — № 3 (22). — С. 156—164.

2. *Галеткина Н. Г. Черемшанка : динамика развития татарской переселенческой деревни / Н. Г. Галеткина // Россия и Восток : взгляд из Сибири : XI Междунар. науч.-практич. конф.* — Иркутск : [б. и.], 1998. — Т. 1. — С. 208—214. — ISBN 5-7430-0717-9.

3. *Корусенко С. Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII—XX веках / С. Н. Корусенко.* — Омск : Издат. дом «Наука», 2006. — 215 с. — ISBN 978-5-4469-1325-1.

4. *Корусенко С. Н. Гл. 2. Татары в регионах. §1. Западная Сибирь / С. Н. Корусенко, Н. А. Томилов // История татар с древнейших времен. В 7-ми томах.* — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. — Т. VI : Формирование татарской нации. XIX — начало XX в. — С. 90—97. — ISBN 978-5-94981-161-0.

5. *Лилявина Е. В. Татары-переселенцы в Томске и его окрестностях / Е. В. Лилявина // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology).* — 2016. — № 3 (13). — С. 60—73.

6. *Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии : исследование чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И. А. Андроникова.* — Тобольск : Губернская типография, 1911. — 395 с.

7. *Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) : [В 3-х т.] / С. К. Патканов.* — Санкт-Петербург : [б. и.], 1911. — Т. 2 : Тобольская, Томская и Енисейская губ. — 431 с.

8. *Селезнев А. Г. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности) / А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева, Е. А. Бельгибаев.* — Омск : Издательский дом «Наука», 2006. — 260 с. — ISBN 978-5-4469-1325-1.

9. *Тихомирова М. Н. Переселения и этнокультурная адаптация татар Кемеровской области / М. Н. Тихомирова // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год : Матер. XIII международной научно-практич. конфер.* — Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2018. — Выпуск 13. — С. 297—301. — ISBN 978-5-91425-157-1.

10. *Тихомирова М. Н. История д. Мамшенкино как пример расширения границ ойкумены западносибирских татар / М. Н. Тихомирова, К. Н. Тихомиров // Вестник*

Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2022. — Т. 9. — № 3 (35). — С. 206—218. — DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(3).206-218.

11. Тихомиров К. Н. Расположение поселений татар на иртышском правобережье (по картографическим материалам XVIII века) / К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова // Вестник НГУ. Серия : История, филология. — 2022. — Т. 21. — № 3. — С. 98—109. — DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-3-98-109.

12. Шарифуллина Л. В. О русской топонимии бассейна реки Уй / Л. В. Шарифуллина // Вестник Чувацкого университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2009. — № 3. — С. 274—277.

13. *Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья : природная среда, этносы, источники.* — Омск : Издат. дом «Наука», 2014. — 192 с. — ISBN 978-5-98806-199-1.

*Статья поступила в редакцию 10.11.2023,
одобрена после рецензирования 15.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.*

Material resources

GAT — *State budgetary institution of the Tyumen region “State Archive in Tobolsk”*. F. I-417 “Provincial Statistical Committee, Tobolsk, Tobolsk province (1835—1919)”. Op. 1. d. 20, 43, 87; Op. 2. D. 1993, 1995. (In Russ.).

GIAOO — *Budgetary institution of the Omsk region “Historical Archive of the Omsk region”*. F. 183 “Tarskaya land-arranging and land-acquisition party of the Ministry of Agriculture and State Property, Tara, Tobolsk province (1792—1919)”. Op. 1. d. 745, 1002. (In Russ.).

List of inhabited places of the Siberian Territory, 1. (1928—1929). Novosibirsk: [B. I.]. 826 p. ISBN 978-5-4469-1325-1. (In Russ.).

Lists of populated places of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1871). St. Petersburg: Publishing Center. stat. com. Ministry of Internal Affairs. 196 p. (In Russ.).

Molodtsovo tract. Yandex. Cards. Available at: <https://yandex.ru/maps/?l=sat%2Cskl&ll=74.794939%2C56.558973&z=16> (ac-cessed 06/21/2023). (In Russ.).

Omsk region: administrative-territorial division on January 1. (1975). Omsk: Zap.-Sib. kn from the Far East. Omsk branch. 211 p. (In Russ.).

Participants of the First World War from the village of Murla. Pedigrees of the Tatars of Siberia. Available at: <https://kirgap.livejournal.com/tag/%D0%94%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B> (ac-cessed 1.08.2023). (In Russ.).

TF GIAOO — *Tarsky branch of the Budgetary institution of the Omsk region “Historical Archive of the Omsk region”*. (In Russ.).

References

Bakieva, G. T., Kvashin, Yu. N. (2013). Volga Tatars in Western Siberia: features of settlement and ethnocultural development. *Bulletin of Archeology, anthropology and ethnography*, 3 (22): 156—164. (In Russ.).

Ethnographic and archaeological complexes of the peoples of the Tarsky Irtysh region: natural environment, ethnoses, sources. (2014). Omsk: Publishing House. House of Science. 192 p. ISBN 978-5-98806-199-1. (In Russ.).

- Galetkina, N. G. (1998). Cheremshanka: dynamics of the development of the Tatar resettlement village. In: *Russia and the East: a view and a vision of Siberia, 1*. Irkutsk: [B. I.]. 208—214. ISBN 5-7430-0717-9. (In Russ.).
- Korusenko, S. N., Tomilov, N. A. (2013). Chapter 2. Tatars in the regions. §1. Western Siberia. In: *History of the Tatars since ancient times. In 7 volumes, VI*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 90—97. ISBN 978-5-94981-161-0. (In Russ.).
- Korusenko, S. N. (2006). *Ethnosocial history and interethnic relations of the Turkic population of the Tarsky Irtysh region in the XVIII—XX centuries*. Omsk: Publishing House. house “Nauka”. 215 p. ISBN 978-5-4469-1325-1. (In Russ.).
- Lilyavina, E. V. (2016). Tatar settlers in Tomsk and its surroundings. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)*, 3 (13): 60—73. (In Russ.).
- Materials on land ownership and economic life of settled foreigners of the Tobolsk province: a study of the official of special assignments at the Resettlement Administration I. A. Andronikov*. (1911). Tobolsk: Provincial Printing House. 395 p. (In Russ.).
- Patkanov, S. K. (1911). *Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, the language and genera of foreigners (based on data from a special development of the 1897 census material): [In 3 volumes]*, 2. St. Petersburg: [B. I.]. 431 p. (In Russ.).
- Seleznev, A. G., Selezneva, I. A., Belgibaev, E. A. (2006). *The world of taiga cultures of southern Siberia (traditional economy and related components of vital activity)*. Omsk: Nauka Publishing House. 260 p. ISBN 978-5-4469-1325-1. (In Russ.).
- Sharifullina, L. V. (2009). On the Russian toponymy of the Uy River basin. *Bulletin of the Chuvash University. The series “Humanities”*, 3: 274—277. (In Russ.).
- Tikhomirov, K. N., Tikhomirova, M. N. (2022). The location of Tatar settlements on the Irtysh right bank (according to cartographic materials of the XVIII century). *Bulletin of the NSU. Series: History, philology*, 21 (3): 98—109. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-3-98-109. (In Russ.).
- Tikhomirova, M. N. (2018). Resettlement and ethnocultural adaptation of the Tatars of the Kemerovo region. In: *Field research in Altai, Irtysh and Upper Ob (archaeology, ethnography, oral history). 2017: Mater. XIII International Scientific and Practical Conference, 13*. Gorno-Altaiisk: Gorno-Altaiisk State University. 297—301. ISBN 978-5-91425-157-1. (In Russ.).
- Tikhomirova, M. N., Tikhomirov, K. N. (2022). The history of D. Mamshenkino as an example of expanding the boundaries of the Oikumens of the West Siberian Tatars. *Bulletin of Omsk University. The series “Historical Sciences”*, 9 / 3 (35): 206—218. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(3).206-218. (In Russ.).

*The article was submitted 10.11.2023;
approved after reviewing 15.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.*